

Глава 1. Встреча заклятых врагов

Гу Шэнь вернулся. Человек, от которого последние два года не было ни слуху ни духу, внезапно объявился снова.

Пока все вокруг без умолку судачили об этой новости, его злейший враг, Сюй Мяо, хранил угрюмое молчание.

Он единственный знал, почему два года назад Гу Шэнь ушёл. Почему этот холодный, смертоносный человек — настоящее человеческое оружие — внезапно оставил пост инспектора-опекуна, который бессменно защищал целых пять лет.

Окружающие наивно полагали, будто всё дело в обычном переводе по службе. Да и кто бы мог подумать иначе? В случае с Гу Шэнем любые другие объяснения казались попросту невыносимыми.

Однако истина крылась в ином: этот бесстрастный, безупречный Исполнитель, чуждый любых земных желаний, посмел вспылать чувствами к зловещему существу. Никому и в голову прийти не могло, что Гу Шэнь нарушит этот нерушимый запрет.

И ведь он признался в любви Сюй Мяо. Подумать только: этот грозный боец густо покраснел перед мальчишкой, который тогда даже не дорос до его плеча. Тот своими глазами наблюдал, как на лице хладнокровной, безжалостной машины исполнения медленно проступает робкий румянец.

Сюй Мяо тогда едва исполнилось восемнадцать. Он как раз прошёл дифференциацию и, как и ожидалось, оказался первоклассным, высокоранговым альфой. И пусть запах его феромонов отдавал чем-то странным, в тот момент это никого не заботило.

Гу Шэнь знал его вторичный пол, в то время как сам Сюй Мяо о субполе противника даже не догадывался. Впрочем, он никогда об этом и не задумывался, ведь для него было очевидным: Гу Шэнь — стопроцентный альфа. Статный, невозмутимый, невероятно сильный и холодный как лёд — разве могли подобные черты принадлежать омеге?

Неужели все эти годы он дрался с чёртовым омегой? И именно омега раз за разом заставлял его, Сюй Мяо, терпеть позорные поражения?

В книгах писали, что все омеги — существа хрупкие и ранимые, и мужчины не исключение. У них есть репродуктивная полость, способная намертво зажать внутри себя семя альфы, они могут беременеть...

«Забеременеть... Гу Шэнь может забеременеть?»

Именно эта дикая мысль первой вспыхнула в голове Сюй Мяо, когда Гу Шэнь открыл ему свои чувства. Она засела в мозгу намертво, и он, сам того не желая, принялся воображать Гу Шэня с округлившимся животом. От этих фантазий к горлу подкатила тошнота.

Будь Гу Шэнь альфой, Сюй Мяо, пожалуй, смирился бы с его признанием — пускай бы они и крутили безумный роман между двумя самцами. Но это? Парень почувствовал себя грязно обманутым, хотя Гу Шэнь никогда прямо и не называл себя альфой. Сюй Мяо просто не мог уложить в голове, что его суровый соперник подпадает под слащавое описание из учебников биологии. Прежде он никогда не презирал омег, не глумился над товарищами, у которых проявился этот субпол, и даже лез в драку, если слабых кто-то обижал. Но когда дело коснулось Гу Шэня, Сюй Мяо передернуло.

Накатила необъяснимая, омерзительная дурнота. Гу Шэнь обязан оставаться его злейшим врагом! Не другом, и уж тем более не любовником. Это исключено. Сюй Мяо никогда в жизни не поставит ему метку. В конце концов, с кем ему тогда драться? Собственную жену колотить, что ли?

— Ты... омега? — с трудом выдавил тогда Сюй Мяо. — Что за шутки, твою мать? Ты же как минимум бета!

Ему отчаянно хотелось цепляться за эту последнюю надежду. Он вгляделся в глаза Гу Шэня — обычно холодные, безразличные, как застывшее озеро. Сюй Мяо тщетно искал в них привычную невозмутимость, но её там больше не было.

— Я... — тихо начал Гу Шэнь, но осёкся.

Эта непривычная нерешительность мгновенно подожгла фитиль ярости Сюй Мяо. Не помня себя от гнева, он с размаху ударил противника кулаком по лицу.

Раньше он ни за что бы не попал по нему так просто. Их схватки всегда напоминали изнурительную войну на истощение: Сюй Мяо приходилось выжидать, пока Гу Шэнь выбьется из сил, чтобы пойти на штурм, и даже тогда удача улыбалась ему редко.

Но сегодня удар пришёлся точно в цель. Кулак с глухим треском врезался в скулу Гу Шэня. Из носа омеги ручьем хлынула кровь, придавая его безупречному облику жалкий и нелепый вид. Тот даже не попытался утереться — лишь молча посмотрел на Сюй Мяо.

— Ты что творишь, твою мать?! — заорал Сюй Мяо, хватая его за плечи и яростно тряся.

Но тот стоял неподвижно, словно каменное изваяние. Только теперь, стиснув пальцами его плечи, Сюй Мяо осознал, насколько хрупким и костлявым на самом деле был Гу Шэнь под своей одеждой. Никакой былой мощи. Сюй Мяо замутило ещё сильнее — его привычная картина мира окончательно разлетелась вдребезги.

Гу Шэнь молчал, понунив голову и безропотно принимая побои. В тот миг он напоминал напроказившего школьника, ожидающего суровой порки.

— Ублюдок... ты просто отвратителен, — выплюнул Сюй Мяо. Не найдя других слов, он развернулся и бросился прочь. Он бежал без оглядки, а его сердце бешено колотилось в груди. Парень и сам не понимал, что за дикий страх гнал его вперёд.

На полпути его настигло непреодолимое желание обернуться. Сначала он пытался подавить этот порыв, но любопытство взяло верх. Спрятавшись за раскидистым стволом дерева, Сюй Мяо осторожно высунул голову, отслеживая взглядом своего вечного врага.

По правде говоря, он всегда глубоко уважал Гу Шэня, восхищался его силой и даже втайне ему подражал. Для сироты Сюй Мяо этот угрюмый боец оставался единственным взрослым мужчиной, который постоянно находился рядом во время его взросления. Сюй Мяо строил собственный характер вопреки Гу Шэню, стараясь стать его полной противоположностью. Но чтобы быть чьей-то тенью, необходим сам источник света.

И вот этот самый ориентир до сих пор неподвижно стоял посреди тропы, бесцельно уставившись в землю и крепко сжав кулаки. Спустя мгновение Гу Шэнь медленно поднял руку и коснулся лица. Сюй Мяо с содроганием осознал: его неприступный противник беззвучно плакал.

Слёзы катились по бледным щекам, но лицо оставалось пугающе масочным, безжизненным.словно под внешней пустой оболочкой идеального солдата треснула плотина, и его истинное «я», запертое в темноте долгие годы, наконец взбунтовалось, сорвавшись в тихий, горький плач. Здесь, в безлюдном глухом переулке, где его никто не мог увидеть.

Сюй Мяо замаялся. Сердце предательски дрогнуло. Ему безумно захотелось вернуться, подойти ближе и сказать, чтобы тот перестал проливать слёзы. Вообще-то Сюй Мяо терпеть не мог издеваться над слабыми и всегда горой стоял за знакомых омег, но... Чёрт возьми, с какой стати Гу Шэню требовалась его защита? Ведь они злейшие, непримиримые враги!

Он, Сюй Мяо — оборотень, зловещее существо, олицетворение первобытного хаоса. Гу Шэнь — Исполнитель, защитник человечества, несущий свет правосудия. Сама кровь, струящаяся в их жилах с древнейших времён, предрекла им вечную вражду. Они обречены биться насмерть, пока один не прикончит другого. Демонстрировать противнику слабость — величайшее предательство собственной природы. И всё же...

Глядя на непривычно хрупкую фигуру плачущего врага, Сюй Мяо ощутил, как внутри болезненно сжалось сердце. Он совершенно не понимал природы этого щемящего чувства — злейшим врагам подобные эмоции не прощаются.

Но стоило Сюй Мяо сделать шаг из тени, как у Гу Шэня зазвонил телефон. Омеге хватило пары секунд, чтобы взять себя в руки. Когда он прижал трубку к уху, его голос звучал так же ровно и бесстрастно, словно мгновение назад он не захлёбывался слезами.

Судя по всему, звонил Цзян Вэй — строгий наставник Гу Шэня. Сюй Мяо почти не пересекался со старым мастером, но замечал, что после разговоров с ним на его соперника нападал едва заметный трепет, граничащий со страхом. Острый волчий нюх Сюй Мяо безошибочно улавливал флюиды этого ужаса, но в те годы юный оборотень лишь высокомерно фыркал, не желая копаться в чужих слабостях.

— Я не согласен, — донёсся до Сюй Мяо негромкий, но твёрдый голос омеги.

Он пытался от чего-то отказаться. Вышло ли у него? Сюй Мяо не знал. Он видел лишь, как Гу Шэнь, хмурясь, коротко кивнул в трубку, завершил вызов и поспешил прочь. Сюй Мяо затаился за деревом у самой обочины. По всем законам боевого искусства Гу Шэнь должен был почуять слежку за версту, однако сейчас омега, словно затравленный зверь, бежал без оглядки, не замечая ничего вокруг.

С того дня Гу Шэнь бесследно исчез. Некоторое время спустя к Сюй Мяо пожаловал тот самый наставник, Цзян Вэй. Старик долго разглагольствовал ни о чём, плетя витиеватые кружева из вежливых извинений. Сюй Мяо толком не уловил сути его визита, но общий смысл сводился к одному: мастер сокрушался, что плохо воспитал ученика, позволившего себе оскорбить молодого господина неподобающими чувствами, и заверил, что паршивец уже понёс суровое наказание.

Лишь позже Сюй Мяо узнал, что после того разговора Гу Шэня забили едва ли не до смерти. Для Исполнителей нет греха страшнее, чем поддаться чувствам. А Гу Шэнь не просто влюбился — он вознамерился предать систему и сбежать со злейшим врагом человечества. И самое горькое: объект его запретной страсти сам же его и отверг. Бежать было некуда, просить защиты не у кого. Отчаянная попытка сломать судьбу обернулась полным крахом.

И пускай сегодня злоеущие существа вели вполне мирную, обывательскую жизнь, Исполнители старой закалки по-прежнему люто их презирали. Любовь палача к потенциальной жертве виделась им чудовищным извращением, попирающим основы мироздания. В итоге Гу Шэня сослали куда-то в глушь. Из-за него. Из-за Сюй Мяо. Эта мысль то и дело всплывала в голове волка посреди повседневных дел.

«Где он сейчас? Что делает?» — порой задумывался Сюй Мяо.

«Встретил ли он другого альфу? Позволил ли поставить себе метку? Будет ли вынашивать чужих детей?»

Как-то раз он услышал краем уха, что среди Исполнителей в принципе не держат омег. А если подобные феномены и рождаются, их превращают в племенной скот для воспроизводства сильного потомства, ведь Исполнители — огромная редкость. Сюй Мяо тогда, не говоря ни слова, набросился на остряка и превратил его лицо в кровавое месиво. Бедолага так и не понял, за что его едва не отправили на тот свет. Да и сам Сюй Мяо толком не осознавал причин своей внезапной вспышки бешеной ярости.

Он не знал, как назвать то, что чувствует к Гу Шэню, и кем они приходятся друг другу теперь.

«Любит ли он меня до сих пор?»

После дифференциации Сюй Мяо окончательно определился со своими предпочтениями. Он ловил себя на том, что выискивает в толпе лица, похожие на Гу Шэня. В отсутствие строгого инспектора волк пустился во все тяжкие, меняя партнёров как перчатки. Но каждый раз, затягиваясь сигаретой в минуты послелюбовного опустошения, он неизменно возвращался мыслями к тому дню. Что, если бы он тогда согласился? Гу Шэнь был чертовски хорош собой: высокий, стройный, с тонкой талией и длинными изящными ногами. Идеальный. А уж когда Сюй Мяо вспоминал шрамы, оставленные собственными когтями на этой белоснежной коже...

— Откуда у тебя столько шрамов? — внезапно поинтересовался лежащий рядом юноша, ведя пальцем по его груди.

— Не твоё дело, — холодно отрезал Сюй Мяо, стряхивая чужую руку. Настроение испарилось без следа. Он окончательно понял, что этот человек — лишь жалкая копия, которая никогда не заменит оригинал.

— Убирайся, — глухо бросил он.

— Ну же, красавчик, ты ведь даже не оставил на мне метку, — призывно замурлыкал юноша, пытаясь прижаться теснее.

— Я, кажется, ясно сказал: я никого не помечаю, — огрызнулся Сюй Мяо. Сама мысль о метках теперь вызвала у него глухое раздражение.

— Но... почему? — удивился тот. — Разве альфы не обожают клеймить всё вокруг? Вы ведь можете оставлять сколько угодно временных меток. Разве вам не нравится чувство обладания?

— Проваливай, — процедил Сюй Мяо.

Эти слова ударили по самому больному. Лишь врождённая неприязнь к насилию над омегами удержала его от желания пустить в ход кулаки.

Обладание... Чёрт возьми, он до безумия хотел подчинить себе Гу Шэня. Окажись тот сейчас перед ним, Сюй Мяо раздел бы его догола и заставил плакать и умолять... Он хотел увидеть, как он посмотрит на него с влажным желанием в своих вечно холодных лисьих глазах, как на бледном, утомлённом лице проступит греховный румянец. Хотел сломать его гордость, подчинить себе, заставить умолять о пощаде и смотреть, как этот ледяной Исполнитель постепенно, вопреки собственной воле, становится полностью зависимым от него.

Сюй Мяо теперь сам не понимал, почему когда-то мысль о подобном контрасте внушила ему

отвращение. Ведь на свете не существовало ничего более возбуждающего.

Он тяжело выдохнул, прикрыв глаза. После исчезновения Гу Шэня он назло пустился во все тяжкие: пил, курил, демонстративно нарушал любые запреты, которые раньше устанавливал его инспектор. Словно надеялся, что Гу Шэнь вот-вот выскочит из-за угла и привычно примется его отчитывать. Словно сквозь пелену сигаретного дыма все эти случайные партнёры могли чудесным образом превратиться в его вечного врага.

Длинноногий омега споро оделся и тихо вымелся из квартиры. Сюй Мяо проводил его взглядом, чувствуя глухую тоску. И дело было вовсе не в сорванной ночи — просто уходящий силуэт со спины слишком сильно напоминал Гу Шэня. Чертовски похожий внешне, но совершенно чужой внутри. Волк сам заманил парня в постель, купившись на знакомые черты лица, но стоило тому начать капризно сюсюкать, как Сюй Мяо едва сдерживал рвотные позывы.

Каким же был настоящий Гу Шэнь? Непокколебимым. Сюй Мяо помнил, как тот собственной рукой выдернул из своего бока зазубренный застрявший клинок, а затем, даже не пикнув, прижал к кровоточащей ране раскалённое на углях железо. От одного вида этой пытки свидетели едва не теряли сознание, а Гу Шэнь лишь слегка нахмурился. Клеймо шипело, обугливая мертвенно-белую кожу, а юный Сюй Мяо заворожённо сглатывал слюну, ещё не понимая, что за странный трепет рождается в его груди.

В детстве, когда во время полнолуний Сюй Мяо обращался в зверя, Гу Шэнь неизменно сидел у его клетки. Они виделись лишь раз в месяц, и Сюй Мяо отчаянно скучал. Ему хотелось расшевелить невозмутимого стража, заставить его хоть как-то отреагировать. Доведённый до белого каления молчанием инспектора, волчонок яростно зарычал — обычный человек от такого звука упал бы замертво, но Гу Шэнь лишь недовольно нахмурился, повернулся и слегка щелкнул зверя по носу.

— Р-р-ав! — Сюй Мяо мгновенно клацнул челюстями, поймав его палец зубами.

— Ты что делаешь? — это были первые слова, которые Гу Шэнь адресовал ему.

Маленький оборотень всего лишь пытался привлечь внимание, а вместо этого получил строгий выговор. Обиженный до глубины души, он забился в угол клетки, жалобно прижав уши и уставившись на инспектора грустным взглядом.

Гу Шэнь молча вытащил руку. Острый клык волчонка пробил кожу до крови — Сюй Мяо был слишком мал, не умел соразмерять силу, да и учить его правилам приличия было некому. Больше всего на свете зверёныш боялся, что его сочтут злобным монстром. Увидев сочащуюся из раны кровь, он задрожал от страха.

Гу Шэнь нахмурился, разглядывая ранку, а затем спокойно протянул окровавленный палец обратно сквозь прутья решётки.

— Хочешь есть?

Сюй Мяо опешил.

— Если голоден — бери.

Маленький волк тогда не понял скрытого смысла этих слов. Он лишь видел перед собой красивого, хрупкого человека в серебряном свете луны. Эта нежная, пахнущая теплом плоть казалась ему невероятно желанной — ему безумно хотелось вонзить в неё зубы. Спустя время, устыдившись своих диких мыслей, он доверил их бумаге, спрятав запись в личном дневнике. Когда Гу Шэнь случайно наткнулся на это признание, Сюй Мяо приготовился к худшему. Однако инспектор не стал его наказывать. Вместо этого он официально зарегистрировался как его донор крови.

И с тех пор в каждое полнолуние Сюй Мяо на вполне законных основаниях вонзал клыки в шею Гу Шэня, жадно лакая его горячую кровь. Маленькое звериное тельце устраивалось в объятиях Исполнителя, крепко сжимая его в тисках. Порой от упоения кровью волчонок терял контроль, раздирая когтями нежную кожу на предплечьях омеги. Но Гу Шэнь никогда не отталкивал его и не издавал ни единого стона боли. Вся эта сцена выглядела безумным, извращённым ритуалом.

Однако для ласкового, как золотистый ретривер, волчонка Сюй Мяо его опекун оставался неприступной ледяной глыбой. Как бы сладка ни была кровь, парень никогда не получал от него желанной ласки — ни ободряющего похлопывания по плечу, ни простых слов похвалы. Гу Шэнь вечно молчал, злился на глупые шутки, во всём следовал уставу и душил бесчисленными правилами. Это ранило нежную щенячью душу и нагоняло смертную тоску. Всё так. Но жизнь без этого зануды оказалась ещё невыносимее.

Ни достойного соперника, ни строгого надзирателя, ни законного источника крови. Сюй Мяо изнывал от неутолимой жажды, но ни один суррогат не мог её утолить. Новый Исполнитель, пришедший на смену, оказался бесхребетным карьеристом, пытавшимся угодить и вашим и нашим. Сюй Мяо купался в безделье, помыкал подчинёнными, прожигал жизнь в окружении случайных любовников, но каждую ночь грезил о неповторимом, сладковатом вкусе крови Гу Шэня.

И вот, когда эрзацы окончательно приелись, оригинал соизволил явиться собственной персоной. Сюй Мяо жадно рассматривал его: эти невероятно длинные ресницы, точёное мужественное лицо, изящную линию шеи, скрытую воротником белоснежной рубашки. Но главным шедевром оставалось его тело — на вид хрупкое, но скрывающее в себе колоссальную взрывную мощь. Идеальное сочетание изящества и силы.

Будучи главой местных теневых сил, Сюй Мяо сидел в первом ряду конференц-зала и делал вид, будто внимательно слушает речь новоиспечённого Верховного исполнителя. Хмурый взгляд, скрещенные на груди руки, аура опасности — окружающие наверняка думали, что вожак оборотней просчитывает план жестокой расправы над старым соперником. На деле же

мысли Сюй Мяо были далеки от политики. Его мозг генерировал сцены, которые цензура не пропустила бы ни под каким предельным предлогом. Спустя два года разлуки при виде Гу Шэня у него в голове пульсировала лишь одна дикая, первобытная мысль: «Хочу его».

Каким же дураком он был, когда отверг этого великолепного омегу, добровольно пришедшего к нему в руки! К счастью, судьба расщедрилась на второй шанс, и упускать его волк не намеревался.

— Гу Шэнь, — позвал он, как только унылая официальная часть подошла к концу.

Сюй Мяо не запомнил ни слова из доклада. Он заворожённо следил за тем, как омега сглатывает, ловил его отрешённые взгляды и вслушивался в чистый, как горный ручей, голос, чувствуя, как внизу живота разгорается пожар первобытного желания.

Кто бы мог подумать, что Сюй Мяо — грозный Император тьмы, подмявший под себя все окрестные банды, — на самом деле обожал, когда добыча шла к нему сама.

Гу Шэнь, убравший бумаги со стола, на мгновение замер. Заминка длилась не дольше секунды, после чего он как ни в чём не бывало продолжил прерванное занятие.

— Гу Шэнь... — произнёс он. После двух лет молчания имя соперника прозвучало на удивление непривычно, но он мгновенно справился с замешательством. — И где тебя носило? Два года ни слуху ни духу. Глянь-ка, я ведь теперь повыше тебя буду, а?

Оборотень вплотную подошёл к трибуне. Опершись ладонью о деревянный край стола, он склонился к самому уху омеги. Расстояние сократилось настолько, что Сюй Мяо чувствовал исходящее от его кожи тепло. Стоило лишь потянуться — и зубы сомкнулись бы на изящной ушной раковине. Волк заворожённо посмотрел ниже, к бледной яремной впадине, и парень едва удержался, чтобы не вонзить в неё клыки прямо здесь.

— Молодой господин, у вас какое-то дело ко мне? — Гу Шэнь сделал вежливый шаг назад, разрывая опасную дистанцию.

— Молодой господин? — Сюй Мяо хмыкнул. Он и забыл, что за время отсутствия инспектора окончательно подмял под себя местную фауну, став единоличным боссом зловещих существ во всей округе. Шестёрки величали его не иначе как «молодым господином». И хотя сам Сюй Мяо считал это прозвище верхом пафосного ребячества и безуспешно пытался его искоренить, глупые клички всегда приживались лучше всего.

Со временем он смирился. Но ведь Гу Шэнь раньше всегда звал его просто по имени... Если даже этот суровый инспектор начнёт величать его титулами, то собственное имя Сюй Мяо будет слышать разве что на почте при выдаче посылок.

Действительно, современные зловещие существа давно интегрировались в человеческое общество. Они вели самую обычную, рутинную жизнь, а кастовые различия вспоминали лишь на редких закрытых собраниях. Так что Сюй Мяо, будучи грозным предводителем теневого мира, в реальности обитал в типовой многоэтажке спального района, лениво жевал по утрам яичницу и ходил в пункт выдачи за интернет-заказами.

— Брось ты это вежливое дерьмо. Зови меня просто Сюй Мяо, как раньше. Тебе что, разонравилось имя, которое ты сам мне когда-то выбрал? — Сюй Мяо нагло придвинулся ближе, заглядывая сопернику в лицо.

Он внезапно почувствовал тонкий, прохладный аромат розмарина, исходивший от омеги.

Сюй Мяо обожал розмарин. Все псовые питали слабость к пахучим травам, но этот терпкий аромат действовал на него особенно пьяняще.

«Стиральный порошок сменил?» — лениво подумал волк, даже не допуская мысли, что так пахнут феромоны его злейшего врага.

— Молодой господин, если у вас нет важных вопросов по службе, прошу меня извинить, — ровным тоном произнёс Гу Шэнь.

Он даже не поднял взгляда, ведя себя так невозмутимо, словно рядом не крутился наглый хищник, буквально сканирующий носом каждый сантиметр его тела. Будь здесь посторонние, они наверняка решили бы, что Гу Шэнь — это сочная сахарная косточка, которую серый волк Сюй Мяо вознамерился обглодать дочиستا.

Дистанция между ними стёрлась окончательно. Гу Шэнь продолжал размеренно переключать листы доклада, игнорируя обжигающее дыхание Сюй Мяо, щекотавшее его щеку. В воздухе повисло осязаемое, неприкрытое вожделение. Мускулистые, поджарые зверолоды считались эталоном среди альф, но их абсолютное, дикое бесстыдство порой жутко утомляло.

— А уши-то покраснели, Гу Шэнь. К чему бы это, а? — Сюй Мяо нагло протянул руку и слегка сжал его мочку.

В ту же секунду Гу Шэнь с силой хлопнул его по ладони, заставив отпустить.

— Что тебе нужно? — ледяным тоном спросил Гу Шэнь.

Чем сильнее он злился, тем морознее становился его голос — казалось, от его слов в душном зале вот-вот повалит пар. Он посмотрел на него так пронзительно и колюче, что Сюй Мяо затрепетал от восторга. Чертовски возбуждающее зрелище.

— Надо же, раньше я и не замечал, какой ты, оказывается, чувствительный, — Сюй Мяо вальяжно прислонился к трибуне, скрестив руки на груди.

Он смотрел на него с неприкрытым голодом в своих золотистых глазах, словно уже мысленно загнал добычу в угол и собирался неспешно растерзать её прямо на этом столе.

Волк порочно ухмыльнулся. Сюй Мяо от природы был невероятно привлекателен: в человеческом обличье — золотистые волосы, карие глаза с янтарным отливом. Настоящий сказочный принц. Он мог обезоружить любого своей улыбкой, излучая тепло полуденного солнца. Вот только Гу Шэнь упорно отказывался на него смотреть.

— Не смей поминать прошлое, — отрезал Гу Шэнь.

Он схватил тяжёлую гербовую печать и принялся яростно шлёпать ею по бланкам — с таким остервенением, словно размазывал по бумаге наглую физиономию Сюй Мяо.

— Это ещё почему? С каких пор реальные события стали запретной темой?

Гу Шэнь на секунду прервал работу.

— То, что случилось... было моей ошибкой, — выдавил он после долгой паузы.

Гу Шэнь виртуозно владел канцелярским слогом — сказывались годы составления бесконечных отчётов. Сюй Мяо как-то раз лично наблюдал, как омега за считанные минуты накатал пространный доклад на несколько тысяч слов, заставив волка усомниться в собственной вменяемости. Но живая, спонтанная речь всегда давалась Исполнителю с трудом. И то, что после долгих лет разлуки этот краснобай сумел выдать лишь сухую извинительную формулу, показалось Сюй Мяо уморительным. Он искренне расхохотался.

Гу Шэнь одарил его презрительным, леденящим взглядом, демонстрируя полное, абсолютное равнодушие.

— Какой же ты всё-таки дурак, — сквозь смех покачал головой Сюй Мяо.

— Я не дурак, — Гу Шэнь недовольно нахмурился. — Мои чувства к тебе давно остыли, так что можешь не утруждать себя лишними переживаниями. Если вопросов больше нет, я вынужден откланяться.

Сложив документы в стопку, омега обошёл трибуну с противоположной стороны и направился к выходу. Сюй Мяо проводил его плотоядным взглядом, медленно проведя языком по нижней губе. Боже, как же ему хотелось прямо сейчас повалить этого упрямого лжеца на пол и вытрясти из него всю спесь! Но волки — непревзойдённые засадные хищники. Они умеют ждать нужного момента, подпуская жертву поближе.

«Потерплю ещё пару дней», — предвкушающе улыбнулся он.

Пока Сюй Мяо самозабвенно красовался у трибуны, предаваясь влажным фантазиям, Гу Шэнь стремительно покинул конференц-зал. Стоило дверям закрыться за его спиной, как он едва не сорвался на бег. Заскочив в пустую уборную, Исполнитель заперся в кабинке, опустил на крышку унитаза и судорожно закрыл лицо ладонями.

Лишь спустя пару минут он заставил себя отнять руки от лица. Он чувствовал, как кожа пылает огнём, а в висках набатом стучит кровь, а мысли путались, превращаясь в безумную кашу.

Внезапно предплечье пронзила острая, жгучая боль. Стиснув зубы, Гу Шэнь дрожащими пальцами закатал рукав строгой рубашки. На бледной коже проступали багровые рубцы, складываясь в уродливые, сочащиеся сукровицей иероглифы. Словно невидимый палач прямо сейчас выжигал клеймо раскалённым железом:

[Грешник]

Гу Шэнь неотрывно смотрел на расползающиеся по предплечью буквы. Совладав с дрожью, он выудил из внутреннего кармана пиджака тонкую ампулу-шприц с прозрачной жидкостью и без колебаний вонзил иглу глубоко в шею. Поршень мягко опустился. Омега зажмурился, несколько раз резко похлопал себя по вискам, дожидаясь, пока спасительный состав начнёт действовать.

Постепенно дыхание выровнялось, а лихорадочный румянец сошёл с лица. Гу Шэнь вновь обрёл привычную, каменную маску абсолютной пустоты.

Опущенный взгляд. Безграничная покорность. Абсолютное послушание. Несокрушимая сила. Никаких эмоций, никакой боли, никакой любви. Он обязан быть безупречным.

Ведь именно такое оружие требовалось его великому наставнику.

<http://bllate.org/book/19800/2028339>